

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

РАЗВОД С

ДРАКОНОМ.

ТРОЙНЮ

ВЫЧЕРКНУЛИ

ИЗ РОДА

Павел Лимонов

**Развод с драконом. Тройню
вычеркнули из рода**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Развод с драконом. Тройню вычеркнули из рода / П. Лимонов —
«Автор», 2026

В день, когда троих моих детей вычеркнули из родового реестра, муж, глава драконьего дома, потребовал развода. Он выбрал титул. Я выбрала апелляцию. У меня двадцать восемь дней до отправки восьмилетней тройни в разные надзорные школы. До брака я работала в Королевской палате наследственных испытаний и знаю: три одинаковых нулевых результата не доказывают отсутствия дара. Они могут означать подмененный напиток, исправленный протокол и борьбу за наследство. Старший инспектор Марек Сольв не верит мне на слово. Его задача — защищать процедуру, моя — доказать, что ею воспользовались против детей. Он спорит со мной, проверяет каждый вывод и не пытается решать за меня. Именно поэтому рядом с ним я впервые не обязана быть удобной. Я не стану возвращать брак, в котором мое молчание считали верностью. Я верну детям право остаться вместе и заставлю Совет ответить за каждую подделанную строку.

Содержание

Глава 1. Три нулевых результата	5
Глава 2. Имена под чертой	11
Глава 3. Инспектор без обещаний	17
Глава 4. Горькая вода	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Павел Лимонов

Развод с драконом. Тройню вычеркнули из рода

Глава 1. Три нулевых результата

Стрелка испытательной рамки не сдвинулась.

Алан стоял между двумя медными стойками, держал ладони на уровне груди и дышал в том порядке, которому его учили последние полгода: четыре счета на вдох, два на задержку, шесть на выдох. Слишком старательно. Я видела это по поднятым плечам и напряженным пальцам.

— Не торопись, — сказала я. — У тебя достаточно времени.

Он посмотрел на меня через плечо. Я улыбнулась, хотя сама уже третий раз проверила положение стрелки.

Нулевая отметка.

Испытательную рамку собрали из дерева, меди и четырех минеральных пластин. При отклике якорной пластины медные тяги двигали стрелку. Прибор измерял один телесный ответ в заданных условиях, поэтому закон требовал трех попыток в разные дни.

Директор центра Элден Корс поднял песочные часы и дождался, когда упадет последняя крупинка.

— Время, — объявил он.

Алан опустил руки.

— Я неправильно дышал?

— Сейчас это проверит наставник, — ответила я.

За оградением сидели девять членов Совета дома Вирн. В центре — Гарет, рядом с ним Орест Вирн, его двоюродный брат и управляющий кузненным фондом. Никто из них не заговорил.

Элден сделал отметку в бланке.

— Первичный отклик отсутствует.

— Первичный, — повторила я. — Следующая попытка через три дня.

Он не ответил и кивнул помощнице. Молодая женщина по имени Иветта отвела Алана за ограждение. Там стояли стулья, кувшин воды и тарелка с солеными лепешками. После попытки детям полагалось пить и есть, даже если рамка не показала расхода.

Алан сел рядом со мной. Его пальцы были холодными.

— Тебе больно?

— Нет.

Он отвечал мне, глядя на свои ботинки. Я хотела спросить еще, но Элден уже вызвал Тису.

Она вышла к рамке раньше, чем Иветта успела открыть калитку.

— Я все помню, — сказала Тиса наставнику. — Не подсказывайте.

— Делай, как учили, — велел Гарет.

Дочь выпрямилась. При других людях она особенно старалась показать, что не боится. За завтраком она дважды уронила ложку, а потом спрятала ладони под столом.

Иветта подала ей мерный стакан с прозрачным раствором. Такую же порцию Алан получил перед своей попыткой, а Оскар еще ждал. Вода, обычная соль и немного сахара помогали

перенести первый отклик. Я видела, как Тиса поморщилась, но решила, что напиток просто слишком соленый.

Она заняла место между стойками. Элден проверил, касаются ли ее ступни меток на полу, затем отошел к столу.

— Начинай.

Тиса сделала вдох. На третьем повторе кожа над ее ключицами покраснела. Она стиснула пальцы, продолжила и вдруг согнулась.

Я оказалась возле рамки раньше Иветты.

— Стой. Тиса, прекрати дыхание по счету. Дыши обычно.

— Я могу еще раз.

— Сначала тебя осмотрят.

Я положила ладонь ей на спину. Сердце билось часто, но ровно. Дочь прижала кулак к середине груди.

— Там свело.

Элден посмотрел на неподвижную стрелку.

— Нулевой результат.

— Вы слышали, что ей больно?

— Краткий мышечный спазм возможен при неверном дыхании.

— Тогда попытка закончена.

Тиса отстранилась от меня.

— Нет. Я сделаю правильно.

За ограждением Орест наклонился к Гарету. Я не слышала слов. Гарет слушал несколько секунд, после чего встал.

— Раз она просит, позвольте повторить.

Я посмотрела на мужа.

— Закон требует три дня между попытками.

— Это требование для подтвержденного отклика, — сказал Орест.

— Для любой попытки обращения у ребенка.

— Вы архивист или лекарь, госпожа Вирн?

— Я семь лет регистрировала такие протоколы. В правилах нет исключения для нулевого результата.

Элден снял использованный бланк с планшета и положил сверху новый.

— Повтор займет две минуты. Если девочка чувствует себя хорошо, вреда не будет.

— Она сказала, что ей больно.

— Уже прошло, — быстро ответила Тиса.

Она упрямо подняла подбородок, однако не убрала ладонь от груди. Я присела перед ней.

— Ты никому ничего не должна доказывать сегодня.

— Алан не смог. Если смогу я, нас оставят?

Вот почему она настаивала. Не ради Совета и даже не ради отца. Она решила, что восьмилетняя девочка обязана удерживать семью.

— Вас не должны разделять из-за одной попытки, — сказала я. — Я не разрешаю повтор.

Элден вернулся к столу.

— Возражение матери внесем в протокол.

— Внесите также, что директор центра отказался прекратить процедуру после жалобы на боль.

Гарет вышел из-за ограждения. Он подошел к нам и протянул Тисе руку.

— Доверься наставнику.

Она посмотрела сначала на него, потом на меня. В ее лице появилось взрослое выражение, которого у ребенка быть не должно: осторожность человека, понимающего, что любой выбор огорчит одного из родителей.

Я поднялась.

— Гарет, выйдем на минуту.

— Совет ждет результат.

— Наша дочь важнее расписания Совета.

— Именно ради нее мы обязаны закончить.

Он произнес это негромко, почти привычным тоном, которым в поместье распоряжался закрыть перевал или остановить кузницу. Я раньше ценила его спокойствие. В тот день впервые поняла, как удобно с его помощью не слышать возражений.

Тиса снова встала на метки.

Увести ее силой означало тащить дочь на глазах у Совета, пока она просила дать ей шанс. Я подошла к столу Элдена, взяла лист для замечаний и написала, что не давала согласия на повторную попытку.

— Поставьте время, — потребовала я.

Помощница замялась.

— Иветта, — обратился к ней Элден, — отметьте возражение после окончания процедуры.

— Сейчас, — сказала я. — Чтобы никто не решил, будто я возразила после результата.

Иветта посмотрела на директора, затем на Гарета. Тот едва заметно кивнул. Она поставила время и свою подпись.

Тиса начала вторую попытку.

Стрелка осталась на нуле. На шестом выдохе дочь пошатнулась. Я успела подхватить ее под руки и посадила прямо на пол. Ее лицо побелело, на лбу выступил пот.

— Лекаря, — велела я.

— Не надо, — прошептала Тиса. — Я просто устала.

— Лекаря, — повторил Гарет уже громче.

Впервые за это утро мы потребовали одного и того же.

Лекарь назвал случившееся перенапряжением дыхательных мышц, дал Тисе соленый отвар и приказал до завтра не заниматься. Безопасным повтор он не назвал.

Оскар увидел сестру на кушетке и отказался идти в зал.

— Я не буду превращаться.

— Сегодня от тебя этого не требуют, — сказала я.

— Требуют. Они все смотрят.

Он стоял у двери лекарской комнаты, вцепившись в папку с рисунками. Оскар взял ее с собой, потому что собирался после испытания показать отцу проект нового подъемного крана. Теперь прижимал к груди так, что края листов смялись.

Гарет опустил перед сыном на одно колено.

— Ты войдешь в рамку один раз. Если станет плохо, сразу остановишься.

— А если ничего не будет?

Муж задержался с ответом.

— Тогда мы разберемся.

Гарет употреблял этот оборот, когда решение уже принял, но еще не хотел говорить вслух.

— Оскар, ты можешь отказаться сегодня, — сказала я.

Из зала донесся голос Ореста:

— Отказ приравнивается к отсутствию отклика.

— В правилах этого нет, — ответила я, не повышая голоса.

Оскар потер переносицу, оставив на ней серую полоску от графита.

— Я войду. Только пусть никто не говорит.

Элден нехотя согласился удалить из внутреннего круга всех, кроме наставника, помощницы и нас с Гаретом. Совет остался за ограждением. Оскар выпил остаток раствора, поставил папку на мой стул и занял место.

Он дышал неровно, сбивался, начинал сначала. Ни наставник, ни я не вмешивались. Через две минуты Элден остановил часы.

Стрелка не поднялась ни на деление.

Оскар вышел из рамки сам и забрал папку.

— Можно домой?

Я обняла его за плечи.

— Скоро.

— Выведите детей, — распорядился Орест. — Совет должен оформить результаты.

— Оформить первые попытки, — уточнила я.

Он поправил манжету.

— Совет определит формулировку.

Детей отвели в комнату отдыха. С ними остались лекарь и моя горничная Дана. Тиса лежала под шерстяным пледом, Алан сидел возле нее, а Оскар устроился на полу и разглаживал помятые рисунки. Я хотела остаться с ними. Вместо этого вернулась в зал. Если Совет собирался нарушить порядок, мое отсутствие облегчило бы ему работу.

На столе уже лежали три заполненных протокола.

Слишком быстро.

Я подошла ближе. Элден прикрывал нижние строки ладонью.

— Уберите руку.

— После решения получите заверенные копии.

— Я законный представитель детей и присутствовала при испытании.

Гарет занял центральное место. Стул рядом с ним, предназначенный хозяйке дома, оставался свободным. Я села на первый стул для приглашенных.

Орест зачитал заключение. В нем три первичных нулевых результата превратились в окончательно подтвержденную неспособность к драконьему обращению. О жалобе Тисы и моем возразении не было ни слова.

— На каком основании вы пропустили две обязательные попытки для каждого ребенка? — спросила я.

— Дом вправе признать совокупность результатов достаточной, — ответил Орест.

— Назовите статью устава.

— Мы здесь решаем судьбу рода, а не сдаем вам экзамен по архивному делу.

— Значит, статьи нет.

Свекровь первой отвела взгляд. Остальные молчали.

Гарет положил обе ладони на стол.

— Агата, мы можем спорить о процедуре месяцами. Это не изменит показания рамки.

— Мы не знаем, что покажет рамка через три дня при соблюдении правил.

— Трое детей получили один результат.

— Один раз. После раствора, который приготовил центр. Без второго независимого наблюдателя.

Элден вскинул голову.

— Моя помощница присутствовала.

— В вашем центре и по вашему найму. Закон требует независимого наблюдателя.

Орест постучал пальцем по столу.

— Достаточно. Совет дома Вирн признает Алана, Тису и Оскара неспособными принять наследственное обязательство. С этого дня их родовой статус приостанавливается. Канцелярии надлежит перенести имена в спорный реестр до определения дальнейшего обучения.

Я посмотрела на Гарета.

— Ты голосовал?

— Да.

— За это решение?

— Да.

Я помнила, как он держал детей после рождения, ночами носил Тису по комнате, учил Алана читать карты и покупал Оскару хорошие карандаши. Оттого ответ причинял больше боли. Он знал их и все равно согласился судить по одному утру.

— Решение незаконно, — сказала я. — Я его обжалую.

— Ты имеешь право, — ответил Гарет. — Но до окончания спора дом должен обеспечить признанного наследника.

Орест передал ему другой документ. Не чистый бланк. Полностью подготовленный текст с датой и нашими именами.

Гарет не посмотрел на лист. Он смотрел на меня.

— Я прошу о расторжении брака.

Никто не удивился. Значит, обсуждали заранее. Возможно, как один из вариантов, убеждала себя я. Возможно, Совет готовил бумаги на любой исход. Эта оговорка ничего не меняла: мой муж сидел перед готовым прошением и произносил просьбу сам.

— Почему? — спросила я.

— Дом не может остаться без преемника.

— У тебя трое детей.

— Совет только что принял решение.

— А ты решил поверить Совету.

Гарет провел большим пальцем по краю стола. Этот жест я видела прежде, когда он собирался сообщить неприятную новость служащему.

— Если апелляция подтвердит ошибку, мы пересмотрим семейные условия.

— Семейные условия?

Он понял, что сказал, и замолчал.

— Ты предлагаешь мне ждать, пока выяснится, пригодны ли наши дети для твоего рода, а потом подать прошение вернуть меня?

— Я предлагаю не принимать сейчас решений, которые повредят детям.

— Решение уже принял ты.

Я встала и подошла к столу Элдена.

— Мне нужны заверенные копии протоколов, запись моего возражения и заключение лекаря.

— Копии выдаются после подписи законных представителей, — сказал он.

— Я подпишу только получение. Согласия с выводом не будет.

Орест придвинул мне заключение Совета.

— Подпишите, и вопрос решится без публичного разбирательства. Дом сохранит детям содержание.

— Содержание обязан платить их отец независимо от родового статуса.

— Вы хотите превратить семейное несчастье в судебный спектакль.

— Я хочу три испытания по закону и детей в одном доме.

Я расписалась за получение копий. Рядом вывела полностью: «С окончательным выводом не согласна. Обязательные повторные попытки не проведены. Повторная попытка Тисы Вирн проведена вопреки возражению матери после жалобы на боль».

Элден поставил печати. Я проверила оттиски и подписи, затем сложила листы в папку Оскара. Другой папки у меня не было.

Гарет догнал меня в коридоре.

— Агата, останься до завтра. Тиса должна отдохнуть.

— Дети и так останутся. Я буду с ними.

— Я имел в виду: не уезжай из дома.

— Это просьба мужа или приказ главы рода?

— Пока еще просьба мужа.

— Тогда мой ответ — нет.

Я прошла в комнату отдыха. Алан сразу поднялся. Тиса спала. Оскар показал мне рисунок: у подъемного крана было три независимых троса.

— Если один порвется, два удержат, — объяснил он.

— Хорошее решение.

— Папа посмотрит потом?

Я не стала обещать за Гарета.

— Ты сам решишь, когда показать.

Мы оставались в центре еще два часа, пока лекарь не разрешил везти Тису. Перед отъездом я снова просмотрела копии. Работа в архиве приучила меня начинать с формы: номер, дата, подпись, печать, основание для выдачи. Содержание документа можно оспаривать долго. След его создания изменить труднее.

На каждом протоколе стояло время калибровки рамки.

Девять часов двенадцать минут.

Одно и то же на трех листах, хотя перед каждым ребенком Элден обязан был проверить прибор заново.

Я разложила копии на подоконнике и позвала Гарета.

Он подошел, но не встал рядом. Между нами осталось два шага.

— Посмотри на время.

Он прочитал строки.

— Возможно, рамку проверили один раз перед всей процедурой.

— Тогда протоколы составлены с нарушением.

— Это ошибка в бумагах.

— Может быть. Я выясню.

— Ты решила, что центр намеренно исказил результаты?

— Я решила только то, что написано передо мной: прибор для каждого ребенка якобы калибровали в одну и ту же минуту.

Он долго смотрел на листы, потом вернул их мне.

— Не втягивай детей в борьбу с домом.

— Их уже втянули. Сегодня утром.

Я закрыла папку. Когда мы приехали в этот зал, я надеялась провести детей через испытание и вернуться с ними домой. Уезжала я с тремя спорными именами, требованием о разводе и первой ошибкой в протоколах.

Этого было недостаточно, чтобы доказать подлог.

Но достаточно, чтобы начать проверку.

Глава 2. Имена под чертой

Наутро Тиса отказалась надевать платье с гербом Вирнов.

Она сидела на краю кровати в одной сорочке и держала синюю ленту с серебряной вышивкой двумя пальцами, будто та была испачкана.

— Если они нас вычеркнули, я не обязана это носить.

Мы ночевали в городском доме моих родителей. Комната, где я спала до замужества, теперь служила отцу мастерской, поэтому детям постелили в гостиной, а мне — на узкой кушетке возле книжного шкафа. За окном грохотали первые телеги. Отец уже разжег печь в переплетной и старался работать тише обычного.

— Сегодня герб можно не надевать, — сказала я. — Но лента принадлежит тебе. Совет не имеет права забирать твои вещи.

— Тогда я ее выброшу сама.

— Отложи до вечера. Утром ты злишься и у тебя болит грудь.

— Уже не болит.

Тиса произнесла это слишком быстро. Я попросила ее поднять руки и сделать обычный вдох. При движении она едва заметно поморщилась.

— Лекарь велел отдыхать сутки.

— Он служит дому.

— Его совет от этого не стал неправильным. Сегодня никаких упражнений.

Она бросила ленту в открытый сундук и натянула простое серое платье, которое мать нашла среди моих старых вещей. Подол пришлось подвернуть. Тиса была выше меня в ее возрасте и сразу заметила, что платье чужое.

— Мы бедные? — спросила она.

— Нет. Сейчас у нас меньше денег и меньше места. Это разные вещи.

— А слуги будут?

— Пока нет.

— Хорошо. Я сама умею застегивать пуговицы.

Она справилась со всеми, кроме верхней. Я помогла и не стала говорить, что дома она часто звала горничную из-за одного запутавшегося шнурка.

За столом Алан раскладывал ложки по росту, а Оскар рисовал на обороте старого счета. Мать поставила кашу и внимательно посмотрела на каждого ребенка, но вопрос задала мне:

— Вы сегодня вернетесь в поместье за вещами?

— Сначала канцелярия. Потом я подам ходатайство в суд.

— А папа? — спросил Оскар.

Он продолжал рисовать и не поднял головы.

Я села рядом.

— Вчера папа попросил расторгнуть наш брак. Это значит, что мы с ним больше не будем мужем и женой. Он остается вашим отцом.

Алан перестал двигать ложки.

— Из-за нас?

— Из-за его решения.

— Но если бы рамка показала что-нибудь, он бы не решил.

— Взрослый отвечает за выбор, даже когда обстоятельства трудные. Вы не заставляли отца подавать прошение.

Тиса шумно отодвинула миску.

— Он выбрал других детей, которых еще нет.

— Он выбрал решение Совета, — сказала я. — Я не стану придумывать ему оправдания. И не буду просить вас перестать его любить.

— Я не люблю, — отрезала она.

Мать открыла рот, но я покачала головой. Тиса имела право на злость, даже если к вечеру скажет другое.

Оскар дорисовал крышу.

— Если вы разведетесь, он сможет приходить сюда?

— Только если мы договоримся заранее.

— А мы можем к нему?

— Пока разбирательство не закончено, суд установит порядок. Я постараюсь, чтобы вас не заставляли ехать против желания.

— Ты все время говоришь «суд», — заметил Алан. — Суд сильнее Совета?

— В семейных вопросах — да. Но суду нужны документы и время.

— Сколько?

Ответа у меня пока не было. Именно за ним мы ехали в канцелярию.

Отец запряг свою рабочую двуколку. В ней помещались двое взрослых и груз, поэтому дети поехали с моими родителями, а я отправилась пешком. На углу меня ждал экипаж дома Вирн.

Кучер открыл дверцу.

— Господин Вирн велел доставить вас в канцелярию.

— Передайте, что я дошла сама.

— Он сказал, на улице сыро.

После ночного дождя между камнями стояла вода. До канцелярии было двадцать минут. Я выбрала их вместо поездки в экипаже, который уже не считала своим.

У дверей родового отделения толпились просители. Драконьи дома имели отдельные книги наследования, но записи о браке, рождении и опеке вела городская служба. Благодаря этому Совет не мог просто стереть детей. Он мог лишить их места в родовом разделе, а государственный чиновник обязан был сохранить исходную запись и указать основание изменения.

Я назвала наши имена. Регистратор, сухая женщина с красными от чернил пальцами, принесла толстую книгу и три узкие карточки.

На развороте уже стояла запись: «Статус оспорен решением Совета дома Вирн». Ниже были вписаны номера вчерашних протоколов.

— Покажите распоряжение о переносе, — попросила я.

— Госпожа Вирн, я не могу выдать внутренний документ без запроса суда.

— Тогда дайте прочитать основание. Я являюсь матерью и законным представителем.

Она пододвинула книгу ближе. В правой графе значилось, что через двадцать восемь дней дети подлежат распределению по надзорным учебным заведениям, если суд не приостановит решение.

— По одному месту на каждого? — спросила я.

— Места подтвердили три школы.

Три названия. Северная школа у перевала, речная школа в Остене и закрытый учебный дом при столичном гарнизоне. Между двумя дальними точками было пять дней пути.

— На каком основании детей одной семьи распределяют отдельно?

— По наличию мест и предполагаемому типу нарушения.

— Тип нарушения у всех записан одинаковый.

Регистратор постучала тупым концом пера по полю, где стояла ссылка на приложение.

— Подробности в ходатайстве Совета. Оно поступило сегодня утром.

Я записала номер.

— Я хочу вернуть добрачную фамилию.

Она посмотрела на заявление о разводе, которое лежало рядом с книгой.

— Брак еще не расторгнут.

— Закон разрешает вернуть имя после принятия прошения, если супруг не возражает.

— Возражения нет, — раздался голос за моей спиной.

Гарет вошел один. На нем был дорожный плащ, сапоги покрывала грязь. Вероятно, он приехал из поместья сразу после рассвета.

Я отступила от стойки, освобождая ему место.

— Ты быстро подал документы.

— Совет отправил курьера ночью.

— Совет очень хорошо подготовился к неожиданному результату.

Он не ответил на намек.

— Агата, нам нужно поговорить без чиновников.

— Сначала закончим запись.

Регистратор положила передо мной форму. Я вписала: «Агата Берновна Ларн», поставила дату и расписалась. Девять лет я подписывала бумаги фамилией Вирн. Рука не дрогнула, но старую росчерк пришлось остановить на середине и начать заново. Регистратор молча перечеркнула неудачную строку, пометила исправление и дала мне расписаться рядом.

— Дети сохраняют фамилию отца, — сказала она. — До решения суда их запись остается в спорном разделе. Гражданских прав и родства изменение не отменяет.

Я получила выписку и спрятала ее в папку.

Гарет предложил пройти в комнату для частных соглашений. Там стояли стол и четыре стула, а на стене висела таблица государственных сборов. Он снял плащ, аккуратно сложил его на свободный стул и достал бумаги.

— Я оформлю городской дом на тебя, — начал он. — Не родительский. Дом на Южной улице, с четырьмя спальнями и садом. Содержание будет поступать первого числа каждого месяца.

— Какое условие?

— Ты отзываешь возражение против решения Совета. Детям обеспечат лучшее обучение. Мы добьемся, чтобы они виделись на зимних и летних каникулах.

— Дважды в год.

— Чаще, если наставники разрешат.

— Нет.

Он положил ладонь на договор.

— Прочитай сумму.

— Она не изменит расстояние между школами.

— Здесь им будет труднее. В городе нет специалистов по детям с нарушенным общением.

— Ни один независимый специалист их не осматривал.

— Элден руководит центром двенадцать лет.

— Вчера он нарушил порядок попыток, допустил боль у Тисы и подписал три протокола с одинаковым временем калибровки.

— Я проверю его работу внутри дома.

— А мне предлагаешь отказаться от государственной проверки.

— Публичное разбирательство ударит по детям. На них будут смотреть как на доказательство слабости Вирнов.

— Совет уже назвал их слабыми и решил разделить.

Гарет отодвинул бумаги.

— Ты говоришь так, будто я хочу от них избавиться.

— Я говорю о том, что ты подписал.

— Я обязан думать о землях и людях, которые зависят от дома. Без признанного преемника устав передаст управление ближайшему совершеннолетнему родственнику.

— Оресту.

— Временно.

— Его подпись стояла на вчерашнем решении рядом с твоей.

Гарет нахмурился.

— При чем здесь это?

— Пока ни при чем. Я только уточняю, кому выгодно объявить всех троих неспособными наследовать.

Он встал.

— Не обвиняй человека без доказательств.

— Я никого не обвинила. И именно поэтому иду в суд.

— Если ты проиграешь, предложение дома больше действовать не будет.

— Ты имеешь в виду жилье сверх обязательного содержания?

— Да.

— Тогда я обойдусь без него.

Отказ прозвучал увереннее, чем я себя чувствовала. В кошельке лежало двенадцать серебряных монет. Мои личные накопления хранились на счете, которым управляла казенная контора дома. По брачному договору треть суммы принадлежала мне, однако получить ее можно было после описи имущества. Даже при быстром рассмотрении это занимало недели.

Гарет видел общий счет и знал, какой суммой я могла воспользоваться сразу. Возможно, поэтому предложил дом уже сегодня. Он привык устранять затруднение прежде, чем оно превращалось в открытый спор. Только теперь платой за удобство были дети.

— Я пришлю их вещи, — сказал он.

— Составь опись и передай через канцелярию.

— Ты думаешь, я украду детские рубашки?

— Я думаю, что спор уже начался. Опись защитит всех.

Он взял плащ.

— Я навещу их вечером.

— Сначала спроси их и договорись о времени со мной.

— Я отец.

— Поэтому тебе ответят они. Но без неожиданного приезда и без людей Совета.

Он остановился у двери.

— Ты собираешься наказывать меня детьми?

— Нет. Я не позволю использовать их для переговоров со мной.

Гарет ушел, не попрощавшись.

Я вернулась к регистратору и попросила бланк срочной апелляции. Заполняла его за крайним столом, где перо царапало бумагу, а из коридора доносились имена чужих семей. Нужно было кратко указать основания: нарушение интервала, отсутствие независимого наблюдателя, жалоба на боль, преждевременный окончательный вывод, угроза разлучения.

Я не написала «подлог». Для этого пока не было доказательств.

К заявлению приложила копии протоколов и выписку из реестра. Отдельно попросила запретить уничтожение контрольных образцов подготовительного раствора. По правилам центр хранил их тридцать дней. Если там осталась хотя бы одна опечатанная проба, ее могли исследовать.

Служащий принял бумаги и назначил предварительное слушание на следующее утро.

— Слишком быстро, — сказала я.

— В ходатайстве трое малолетних и срок передачи, — объяснил он. — Судья Фар оставила для срочных дел первый час.

— Кто представляет палату испытаний?

— Назначение поступит вечером.

До дома родителей я дошла медленнее. На обратном пути купила детям по теплому платку, две тетради и четыре карандаша. После покупки осталось семь монет. Я записала расход на полях старого счета и решила вечером составить бюджет.

В гостиной отец устанавливал еще одну кровать. Он не задавал вопросов о деньгах. Просто измерил стену, перенес сундук и сказал, что в мастерской есть древесина для двух полок.

Мать встретила меня у кухни.

— Поговори с каждым, — попросила она. — Ты спрашиваешь, как они себя чувствуют, а они отвечают за всех.

— Я говорила с ними утром.

— Утром Алан следил за Тисой, Тиса отвечала вместо Оскара, а Оскар рисовал и слушал. Это был один разговор на четверых.

Я хотела возразить, но поняла, что она права. Я обращалась с детьми как с одним делом, потому что Совет поступал так же.

Алан сидел в переплетной и сортировал обрезки кожи по цвету. Я попросила его выйти со мной во двор.

— Вчера перед рамкой ты хорошо себя чувствовал?

— Да.

— Напиток был обычным?

Он пожал плечами.

— Сладкий.

— Что-нибудь еще?

Алан взял мокрый лист с дорожки и положил на край бочки, чтобы не наступили.

— Я все сделал плохо.

— Ты сделал то, чему тебя учили.

— Стрелка не двигалась.

— Это результат одной проверки, проведенной с нарушениями.

— Если я скажу что-нибудь неправильное, суд решит хуже?

— Нет. Тебе не надо подбирать полезный ответ. Вспоминай только то, что действительно было.

Он немного подумал.

— Тогда потом скажу. Я пока не уверен.

— Хорошо.

Тиса лежала с книгой, но не перевернула ни одной страницы, пока я разговаривала с Аланом. Наедине она призналась, что грудь еще тянет при глубоком вдохе. Я записала это и договорилась показать ее городскому врачу.

— Я не хочу в школу у гарнизона, — сказала она. — Там будут думать, что я не умею.

— До суда никто тебя туда не отвезет.

— А если суд скажет?

— Я продолжу спорить законными способами. Но обещать результат, которого не знаю, не буду.

— Папа мог бы приказать Совету.

— Мог потребовать повторную проверку. Не потребовал.

Она отвернулась к стене. Я поправила край пледа и ушла прежде, чем забота превратилась для нее в еще одно доказательство слабости.

Оскар нашелся под рабочим столом отца. Он устроил там дом для деревянной птицы, которую вырезал дед.

— Я здесь помещаюсь, — сообщил он.

— Вижу.

— В школе кровати узкие?

— Наверное. Я там не была.

— Алан поедет со мной?

Я села на пол рядом со столом.

— Совет просит отправить вас в разные места. Я прошу суд оставить вместе.

— Тиса будет ругаться, если ее увезут одну.

— Скорее всего.

Он улыбнулся впервые за день.

— А Алан потеряет носки.

— Это серьезный довод для суда.

— Ты напишешь?

— Про носки — нет. Но напишу, что вы росли вместе и разделение причинит вред.

Оскар протянул мне деревянную птицу.

— Пусть будет у тебя, пока пишешь.

Я поставила ее на стол. Она не могла помочь, и именно поэтому подарок был хорош: сын не предлагал мне чудо, только хотел оставить рядом свою вещь.

Вечером курьер принес два конверта. В первом лежало подтверждение предварительного слушания. Во втором — уведомление палаты.

Я вскрыла его над кухонным столом. Королевская палата назначила старшего инспектора для первичной проверки соблюдения процедуры. Имя мне ничего не сказал.

Марек Сольв.

Он должен был явиться в суд утром и представить мнение о сохранности образцов. От его заключения зависело, получу ли я хотя бы несколько дней до решения о школах.

Я внесла имя в верхнюю строку ходатайства и продолжила работу.

Глава 3. Инспектор без обещаний

Представитель дома Вирн назвал меня брошенной женой на четвертой минуте слушания.

— Мы сочувствуем госпоже Ларн, — сказал поверенный Крайс, обращаясь к судье. — Однако ее семейная обида не должна ставить под сомнение работу признанного испытательного центра.

Я сделала пометку на полях своей копии: «На довод не отвечать. Вернуться к времени калибровки».

Высокий семейный суд занимал старое здание городской управы. В малом зале не было гербов драконьих домов, только государственная печать над местом судьи и две одинаковые скамьи для сторон. Гарет сидел на противоположной, рядом с поверенным. Орест на слушание не пришел.

Судья Нелла Фар перелистнула мое ходатайство.

— Господин Крайс, суд пока не оценивает чувства заявительницы. Объясните, почему окончательное решение принято после первой попытки.

— Совет воспользовался правом оценить совокупный риск. Три ребенка одного рождения получили совпадающие результаты.

— Право Совета отменяет государственный порядок?

— Дополняет его с учетом устава дома.

— Назовите статью.

Крайс попросил время найти ссылку. Я удержалась от улыбки. Вчера Орест ответил на тот же вопрос раздражением. Поверенный хотя бы понимал, что суд не примет его вместо номера статьи.

Слева от судьи стоял отдельный стол Королевской палаты. Марек Сольв пришел до начала заседания и за все время не задал мне ни одного вопроса. Он просматривал протоколы, сверял номера печатей и делал записи мелким почерком. Раннюю седину у висков можно было заметить только вблизи. Когда он вставал, чуть дольше опирался на правую ногу, а левую ставил осторожно.

Судья обратилась к нему:

— Палата получила уведомление вчера вечером. Какова ваша предварительная позиция? Марек поднялся.

— На этом этапе у меня нет позиции по достоверности результатов. Я вижу основания проверить соблюдение процедуры и сохранность контрольных материалов.

— Сколько времени вам требуется?

— Три рабочих дня для первичного осмотра. Если центр сохранил образцы и журналы, я смогу представить промежуточное заключение.

Крайс вмешался:

— Такой срок автоматически задержит исполнение решения Совета.

— Да, — сказал Марек. — Иначе проверка не имеет смысла.

Он произнес это ровно, без попытки показать мне поддержку. Я записала: «Просит три дня. Подлогом не называет».

Судья просмотрела приложение.

— Госпожа Ларн, подойдите. Объясните расхождение во времени калибровки.

Я вышла к ее столу с тремя копиями.

— Перед каждой детской попыткой рамку должны проверять нагретым эталонным стержнем. Это занимает не меньше семи минут: пластину нагревают до установленной отметки, помещают в держатель, снимают показания и дают рабочей части остыть. Во всех трех протоколах указано одно время — девять часов двенадцать минут.

— Прибор могли откалибровать один раз перед началом? — спросила судья.

— Могли. Тогда сведения в двух протоколах недостоверны, а обязательная проверка перед каждым ребенком не проводилась.

— Может ли это объясняться тем, что служащий переписал одно время по ошибке?

— Может. Я прошу установить, что произошло. Само совпадение еще не доказывает умысел.

Марек посмотрел на меня впервые с начала слушания.

— Почему вы не указали это последней фразой в ходатайстве?

— Указала в приложении два, третий абзац.

Он нашел страницу.

— В основном тексте вы пишете о возможном искажении процедуры.

— Потому что подтверждены два нарушения: одинаковое время и отсутствие независимого наблюдателя. Причину я не называла.

— Вчера в канцелярии вы упомянули намеренное подавление, — сказал Крайс.

— Нет. Я сказала, что центр исказил результаты?

Гарет повернул голову к поверенному.

Тот раскрыл записку служащего.

— Вы спросили, не готовился ли Совет к неожиданному результату.

— Это вопрос о сроке подготовки документов. Он не является заявлением о веществе или воздействии на детей.

— Значит, вы не считаете результаты подложными? — спросил Марек.

Ловушка была простой. Если отвечу «считаю», придется объяснять, откуда знаю. Если «не считаю», поверенный объявит спор исчерпанным.

— Я считаю их недостаточными для окончательного вывода, — сказала я. — Есть ли подлог, должна установить проверка.

Судья Фар кивнула секретарю, и тот записал ответ.

— Второй наблюдатель, — продолжила она. — Кто присутствовал?

— Директор центра Элден Корс, его помощница Иветта Морн, наставник, лекарь дома, члены Совета, родители и дети.

— Почему помощница не считается независимой?

— Она подчиняется директору и участвовала в подготовке раствора. Независимого наблюдателя назначает палата или другое испытательное учреждение. Его подпись должна стоять в отдельной строке.

Я показала пустые поля. Крайс заявил, что присутствие Совета компенсировало отсутствие специалиста. Марек попросил слово.

— Член Совета может быть свидетелем поведения сторон, но не подтверждает калибровку и порядок измерения, если у него нет допуска. В представленных листах допуски не указаны.

— Вы усматриваете нарушение? — спросила судья.

— Я усматриваю отсутствие обязательной подписи. После осмотра центра установлю, присутствовал ли специалист и забыли ли внести сведения.

Он снова оставил открытой возможностью простой ошибки. Это раздражало, хотя именно такого подхода я требовала от себя.

Судья разрешила мне сесть. Крайс вызвал Гарета как представителя Совета.

— Господин Вирн, дети проходили подготовку по утвержденной программе?

— Да.

— До испытания кто-либо отмечал отсутствие способностей?

— Нет. У детей не было контролируемого обращения, но до восьми лет это допустимо.

— В день испытания кто-то из них показал хотя бы частичный отклик?

— Нет.

— Госпожа Ларн препятствовала работе центра?

Гарет посмотрел на меня.

— Она возражала против повторной попытки Тисы.

— И все же попытку провели?

— Тиса сама настаивала. Я дал согласие.

— То есть между родителями возник спор, а госпожа Ларн после этого отказалась признать результат.

— Возражение было записано до повторения, — сказала я.

Судья подняла ладонь.

— Вы получите право задать вопросы.

Крайс продолжил:

— Считаете ли вы, что ваша супруга действует ради сохранения брака?

Гарет ответил не сразу.

— Она защищает детей.

Поверенный перестал улыбаться.

— Но просит суд вмешаться в решение вашего дома.

— Да.

— Вы поддерживаете ее требования?

— Я поддерживаю проверку документов. При этом считаю, что до ее окончания решение Совета должно действовать.

Для Гарета это, вероятно, было уступкой. Для меня — подтверждением, что он готов ждать правду, пока детей готовят к разлучению.

Когда пришла моя очередь, я задала три вопроса.

— Ты видел, как калибровали рамку перед Аланом?

— Видел, как Элден закончил подготовку прибора.

— Перед Тисой?

— Нет. Я разговаривал с Орестом.

— Перед Оскаром?

— Не помню.

— Кто подал детям раствор?

Крайс возразил, что вопрос выходит за рамки ходатайства. Я показала запрос на сохранение образцов. Судья разрешила ответ.

— Иветта Морн, — сказал Гарет. — Помощница Элдена.

— Один кувшин или три отдельных?

— Я не следил.

— Спасибо.

Я села. Возможность легко уличить его во лжи принесла бы короткое удовлетворение, но Гарет не лгал. Он действительно не смотрел. В этом и заключалась его часть в случившемся.

Судья объявила перерыв на пятнадцать минут. Крайс увел Гарета в боковой коридор. Я осталась у скамьи, перечитывая заметки.

Марек подошел без папки. Вблизи его хромота была заметнее: после нескольких шагов он переносил вес на трость, которую до этого держал у стола.

— Вы работали в палате, — сказал он.

— Семь лет.

— Почему ушли?

— После рождения детей переехала в поместье. Дорога занимала день, а место нельзя было сохранить на девять лет.

— Ваш допуск истек?

- Да.
- Тогда вы не получите доступ к внутреннему хранилищу центра.
- Я и не просила.
- В ходатайстве вы требуете присутствовать при осмотре.
- При составлении описи, а не внутри хранилища. Как представитель детей я должна видеть номера пломб до и после передачи.
- Центр может заявить, что вы влияете на проверку.
- Поэтому опись подписывают обе стороны.
- Он изучал мое лицо так же внимательно, как прежде протоколы. Я выдержала взгляд.
- Вы заранее знаете ответы на большинство процессуальных вопросов, — сказал он.
- На большинство простых.
- И все же в ходатайстве есть ошибка.
- Какая?
- Вы просите сохранить все контрольные образцы. По журналу первичной регистрации их должно быть три, но центр сообщил палате только об одном.
- Остальные уничтожили?
- Мне ответили, что два стакана разбились при уборке.
- Оба?
- В течение часа после испытания.
- Кто сообщил?
- Элден Корс.
- Это внесено в журнал происшествий?
- Именно это я собираюсь проверить.
- Он не ждал, что я поздравлю его с находкой. Я открыла папку и достала копию протокола Оскара.
- На этом листе указан номер контрольной пробы. Последняя цифра семь. У Алана — один, у Тисы — четыре. Какая сохранилась?
- Седьмая.
- Проба Оскара. Последнего ребенка. Если Иветта наполняла стаканы из одного кувшина, образец мог показать состав всех трех. Если растворы готовили отдельно, он относился только к сыну.
- Мне нужна заверенная копия ответа центра, — сказала я.
- Получите после регистрации в деле.
- Когда?
- Сегодня после заседания.
- Хорошо.
- Марек слегка приподнял бровь.
- Вы не станете требовать немедленно?
- Вы назвали срок и основание. У меня нет причины устраивать спор ради спора.
- Вчера вы устроили его в испытательном зале.
- Вчера мою дочь заставляли повторить попытку после боли.
- Она сама просила.
- Ей восемь. За безопасность отвечает взрослый специалист.
- И родители.
- Я отказала. Ее отец согласился.
- Марек посмотрел в сторону Гарета, который возвращался в зал.
- В протоколе есть ваше возражение, — сказал он. — Этого достаточно, чтобы проверить решение центра. Не нужно убеждать меня, что вы хорошая мать.
- Я и не собиралась.

Он посторонился, пропуская меня к скамье.

Во второй части заседания Крайс представил ходатайство Совета о немедленном сохранении школ за детьми. Формулировка казалась безобидной: места оставались закрепленными до решения суда. В приложении обнаружилось условие, по которому школа могла прислать сопровождающего за три дня до передачи.

— Это позволяет начать фактическое разлучение до окончания срока, — сказала я.

— Сопровождающие лишь познакомятся с детьми, — возразил Крайс.

— В доме, выбранном матерью, без права вывозить их, — постановила судья. — И только после отдельного согласования.

Она закрыла папку.

— Суд приостанавливает исполнение решения Совета на три дня. Палате поручается проверить соблюдение процедуры, наличие контрольных образцов и журналов. Центру запрещается уничтожать, перемещать или вскрывать материалы без инспектора. Дети остаются с матерью. Вопрос о более длительной защите будет рассмотрен после промежуточного заключения.

Три дня. Слишком мало для полного расследования, достаточно для первого шага.

— Госпожа Ларн, — продолжила судья, — вы обязаны представить перечень утверждений, которые считаете установленными, и отдельно указать предположения. Если вы обвините конкретное лицо без основания, суд учтет это при оценке вашей добросовестности.

— Понимаю.

— Господин Вирн, Совет обязан передать инспектору внутренние решения, списки присутствовавших и правила, на которые ссылается.

Гарет согласился.

У выхода секретарь выдал мне чистую форму перечня. Я устроилась за столом в приемной. В верхней части написала:

«Установленные факты».

Первый результат каждого ребенка был нулевым. Тиса прошла повтор в тот же день после жалобы на боль. Независимый наблюдатель не подписал документы. Время калибровки совпало. Два контрольных образца, по сообщению центра, уничтожены.

Ниже провела черту и добавила:

«Предположения, требующие проверки».

Рамку могли не калибровать перед каждой попыткой. Состав раствора мог отличаться от стандартного. Протоколы могли быть подготовлены до завершения испытаний. Решение о школах могли согласовать заранее.

Последний пункт я перечитала дважды и оставила. Готовые заявления о разводе и три разных места появились слишком быстро, но пока это было только основанием проверить даты.

Я подписала перечень. С этого момента каждую фразу могли сопоставить с результатами проверки. Если предположения окажутся ошибочными, Совет воспользуется моими словами. Если я смягчу их из осторожности, инспектор не запросит нужные документы.

Марек принял лист у секретаря и просмотрел при мне.

— Вы не указали, что детей намеренно отравили, — заметил он.

— Потому что не знаю, было ли вещество и кто его добавил.

— А что думаете?

— Думаю, три одинаковых результата удобны слишком многим. Но мое мнение не является уликой.

Он поставил время получения.

— Тогда до заключения будем пользоваться уликами.

— Я на это рассчитываю.

На ступенях суда его ждал закрытый экипаж палаты. Кучер закреплял на дверце дорожный знак, разрешавший срочный проезд через городские ворота. Марек должен был добраться до центра раньше любого посланника дома.

— Вы едете сейчас? — спросила я.

— Как только получу судебную печать.

— Я хочу присутствовать при описи.

— До внутреннего хранилища вас не допустят. Номера пломб я внесу в акт, копию передам суду и вам.

— И представителю дома?

— Одновременно.

— Тогда возражений нет.

Он взялся за ручку дверцы, но остановился.

— Госпожа Ларн, три дня не означают, что я подтверждаю вашу версию.

— У меня пока нет версии, которую можно подтвердить целиком.

— Значит, я не обещаю вам нужный результат.

— Обещайте проверить то, что поручил суд.

— Это моя работа.

— Этого достаточно.

Марек сел в экипаж. Через минуту колеса застучали по мокрой мостовой в сторону северных ворот.

Я осталась на ступенях с копией судебного определения. На ней было сказано ровно то, чего я добилась: детей нельзя увезти три дня, материалы нельзя уничтожить, палата обязана проверить центр.

Ни одного обещания победы.

Зато один из трех контрольных образцов еще существовал, и теперь Элден не мог вскрыть его без свидетелей.

Глава 4. Горькая вода

Алан разбудил меня до рассвета и спросил, могут ли посадить в тюрьму ребенка, который промолчал на суде.

Я отложила одеяло и включила лампу. Он стоял босиком возле кушетки, в ночной рубашке и с одним из новых платков на шее. В доме было прохладно, но он обычно не мерз.

— Тебя никто не спрашивал в суде, — сказала я. — И за молчание детей не судят.

— Ты спрашивала вчера.

— Во дворе. Это был разговор со мной, а не показание.

Алан сел на край кушетки. Под глазами у него лежали серые тени. Ночью он несколько раз вставал проверить Тису, хотя городской лекарь осмотрел ее и подтвердил, что спазм проходит без повреждения.

— Вода перед рамкой была горькая, — сказал он. — Я подумал, что так надо.

— Насколько горькая?

— Как лекарство от кашля. Только после него во рту сладко, а там потом все равно было горько.

— Ты говорил кому-нибудь?

— Нет.

— Почему?

Он потянул край платка.

— Тиса выпила и ничего не сказала. Я не хотел первым бояться.

— Ты не виноват.

— Если бы я сказал, она бы не вошла второй раз.

Я придвинулась, чтобы видеть его лицо.

— Остановить процедуру должны были взрослые. Я возразила. Элден продолжил. Папа согласился. Ты не отвечаешь за наши решения.

— Но я заметил.

— И сейчас рассказал. Это важно, но твои слова нужно проверить.

— Ты мне не веришь?

— Верю, что ты помнишь горечь. Мы пока не знаем, отчего она появилась. Сахар мог плохо раствориться. Стакан могли вымыть другим средством. В напиток могли добавить лекарство. Я не стану выбирать причину до анализа.

Алан помолчал.

— Тогда я не должен был говорить?

— Должен был сказать именно то, что помнишь. Остальное выяснят взрослые.

Он обдумал ответ и снял платок.

— Мне уже не холодно.

К завтраку он вышел спокойнее. Я записала его слова, время разговора и то, что мы были одни. Запись не превращала воспоминание в доказательство, зато не позволяла мне через неделю дополнить его тем, чего сын не говорил.

Марек приехал в восемь. Его экипаж остановился у мастерской, и отец провел инспектора через отдельную дверь, чтобы не будить соседей стуком в парадную. При нем были опечатанный деревянный ящик и две папки.

— Образец не вскрывали, — сказал Марек вместо приветствия. — Пломба центра цела. Я наложил вторую печать палаты и составил акт в присутствии Элдена, Иветты и представителя дома.

Он поставил ящик на очищенный край переплетного стола. Я не протянула к нему руку.

— Номер?

— Семь. Совпадает с протоколом Оскара.

— Есть запись, из какого сосуда ему наливали?

Марек открыл первую папку.

— Иветта указала в журнале приготовления один общий кувшин на всех троих. Отдельно отметила, что наполняла три контрольных стакана до раздачи детям.

— Значит, проба относится ко всей партии.

— Если запись верна.

— Кто подписал приготовление?

— Иветта. Элден поставил отметку о проверке.

— А два разбитых стакана?

— По объяснению уборщицы, она опрокинула поднос после заседания Совета. В журнал происшествий запись внесли через сорок минут.

— Уборщица видела номера пломб?

— Нет. Она получила поднос без них.

Я закрыла чернильницу. Если контрольные стаканы действительно опечатали до испытания, к уборщице они должны были попасть с пломбами. Если пломбы сняли, требовался отдельный акт.

— Вы нашли упаковку?

— Только осколки без этикеток в общем ящике для стекла. Сейчас они опечатаны, но установить принадлежность будет трудно.

Он сел напротив меня. Отец работал в соседней комнате; через открытую дверь доносился скрип прессы.

— Мне нужно задать Алану несколько вопросов, — сказал Марек. — Вы можете присутствовать. Я не буду брать официальное показание без назначенного представителя ребенка.

— Почему именно Алану?

— Вы сообщили секретарю суда о его воспоминании двадцать минут назад.

— Я передала дополнение сразу после разговора.

— Поэтому я здесь.

Я позвала сына. Марек не усадил его за взрослый стол. Он выбрал низкую скамью возле окна и показал удостоверение палаты, объяснив, что проверяет работу центра, а не детей.

— Твоя мама написала, что напиток был горьким, — сказал он. — Помнишь, из какого стакана пил?

— Стелянного.

— На нем была отметка?

— Синяя черта.

— Где стоял стакан до того, как тебе дали?

Алан нахмурился.

— На подносе.

— Сколько там было стаканов?

— Не знаю.

Марек не стал переспрашивать другим тоном.

— Видел, кто наливал?

— Нет.

— Горечь почувствовал сразу или позже?

— Сразу. И пальцы потом были холодные.

— Ты говорил об этом в день испытания?

— Нет.

— Почему?

Алан посмотрел на меня. Я не подсказала.

— Не хотел бояться первым.

Марек записал ответ дословно и прочитал вслух.

— Я ничего не пропустил?

— Мама сказала, что я не виноват.

— Это не относится к составу напитка, но она права.

Он отпустил Алана и дал мне прочитать записку.

— Холодные пальцы важны? — спросила я.

— Могут быть следствием волнения. До анализа я не буду связывать признаки.

— Кто его проведет?

— Селин Арро, специалист по якорным пластинам. Она не работает ни с домом Вирн, ни с вашим прежним отделом. Суд утвердил ее утром.

— Когда?

— Через два часа. Кабинет при городской лечебнице.

Мать согласилась остаться с детьми. Перед моим уходом Тиса потребовала взять ее с собой, чтобы лично рассказать о боли. Я отказала: лекарь велел ей провести день дома, а официального детского опроса суд не назначал.

— Алану можно говорить, а мне нельзя? — спросила она.

— Он сообщил о вкусе напитка. Ты расскажешь о боли назначенному представителю, когда он придет. Сегодня тебе нужно восстановиться.

— Ты опять решаешь, что мне нужно.

— Да. В вопросах лечения пока решаю я и врач. Вчера взрослые позволили тебе рискнуть. Я не повторю их ошибку, чтобы ты меньше сердилась.

Она отвернулась. У меня не было способа сделать правильное решение приятным.

До лечебницы мы с Марексом шли пешком. Ящик нес судебный служитель, прибывший отдельно. Марек не предложил мне руку на мокрой лестнице и сам не попросил помощи, хотя на последних ступенях сильнее опирался на трость.

Селин Арро встретила нас в рабочем кабинете. Ей было около пятидесяти, короткие волосы поседели у лба. На столе стояли весы, стойка с пробирками, медная чаша и запирающийся шкаф для препаратов.

— Сначала документы, — сказала она.

Судебный служитель зачитал номера печатей. Марек сверил их с актом. Представитель дома Вирн, тот же поверенный Крайс, прибыл на несколько минут позже и потребовал начать процедуру заново. Селин ответила, что ящик еще не вскрывали и проверка печатей не является анализом. Крайс внес возражение в акт.

Я стояла у стены. Прикасаться к образцу, посуде и записям мне запретили. Это было правильно, хотя бездействовать оказалось труднее, чем ожидала.

Селин срезала внешнюю ленту палаты, затем внутреннюю пломбу центра. Внутри лежал стакан с притертой крышкой. На стекле синей краской была нанесена цифра семь.

— Объем сто восемьдесят мерных долей, — сообщила она после переливания в цилиндр. — По журналу должен быть сто восемьдесят один. Потеря в пределах допустимого хранения.

Она отлила половину в новый запечатанный сосуд для повторного исследования. Из оставшейся части взяла три небольшие порции. В первую добавила раствор, который определял обычную минеральную соль. Во вторую — средство для проверки сахара. Третью нагрела на водяной бане до указанной температуры, затем по каплям ввела медный раствор.

— Что должно произойти со стандартным напитком? — спросил Крайс.

— Жидкость останется прозрачной с легким голубым оттенком, — ответила Селин. — Если в ней есть соединения пепельной соли, появится светлый осадок. Количество оценивается отдельно.

Мы ждали несколько минут. На дне третьей пробирки собрались бледные хлопья. Они не светились и не двигались. Селин поставила пробирку в держатель, сверилась с контрольным образцом и пригласила свидетелей подойти по одному.

— Предварительная реакция положительная, — сказала она. — Для заключения повторю на второй порции и измерю содержание.

Крайс нагнулся над пробиркой.

— Такая реакция возможна из-за лечебной смеси?

— Пепельная соль является лечебным средством. Вопрос в наличии назначения и дозе.

— Доза могла быть безопасной?

— Для спокойного ребенка перед первой попыткой подавляющее средство не назначают. Оно мешает связи якорной пластины с мышцами и делает измерение недостоверным.

— Существуют исключения.

— После травмы или непроизвольного обращения. Это должно быть указано в медицинской карте и журнале выдачи.

Марек задал следующий вопрос:

— Может ли такая примесь вызвать нулевой показатель у ребенка, имеющего отклик?

— Может. Точный результат зависит от веса, дозы и времени приема. По этой пробе нельзя установить индивидуальную реакцию каждого ребенка.

— А боль при повторной попытке?

— Подавление связи заставляет мышцы работать без нормального ответа пластины. Повторное напряжение повышает риск спазма. Чтобы говорить о состоянии девочки, мне нужны ее карта и осмотр.

Она не обещала, что нашла объяснение всему. Я ценила это больше уверенного сочувствия.

Вторая реакция дала такой же осадок. Селин взвесила сухой остаток и рассчитала примерное содержание. Доза была небольшой для взрослого дракона и слишком высокой для детей весом Алана и Оскара. Для более тяжелой Тисы она тоже подавляла бы отклик на несколько часов.

— Значит, результаты недействительны, — сказала я.

Марек повернулся ко мне.

— Это решит суд после заключения.

— Прибор измерял детей под действием подавляющего вещества.

— Да. Но нам нужно подтвердить, что образец соответствует выпитой партии, а вещество не имело законного назначения.

Я раздраженно закрыла рот. Он был прав. Запись Иветты связывала пробу с общим кувшином, однако ее еще следовало подтвердить. Лечебное назначение могло объяснить наличие соли, хотя не оправдывало окончательный вывод центра.

— Какие документы нужны? — спросила я.

— Медицинские карты детей, лист назначений на день испытания, журнал выдачи средств и накладные центра, — ответила Селин. — Еще сведения об их весе и времени приема пищи.

Крайс собрал свои копии.

— Дом добровольно передаст медицинские документы. Волнение Тисы было заметно еще до испытания. Возможно, лекарь распорядился добавить средство для безопасности всей группы.

— Как звали лекаря, отдавшего распоряжение? — спросила я.

— Это установит карта.

— Вы только что сослались на возможное назначение, не зная имени.

— Я назвал объяснение, которое следует проверить.

— Тогда внесите, что это предположение представителя дома, а не запись врача.

Селин продиктовала формулировку судебному служителю. Крайс подписал акт без возражений.

После анализа Марек проводил меня до выхода. В приемной пахло сушеными травами и мокрой одеждой посетителей.

— Вы были готовы спорить со мной при всех, — сказал он.

— Вы заговорили так, будто хотите отложить вывод, который уже очевиден.

— Очевидно наличие вещества в одном контрольном сосуде. Вчера два других исчезли. Если мы поспешим, Крайс заявит о подмене, отдельном приготовлении или законном назначении.

— И что вы предлагаете?

— Закрывать каждую возможность документом.

— Это займет больше трех дней.

— Сегодня я подам просьбу продлить приостановку на основании анализа.

— Суд согласится?

— Я не обещаю решения суда.

— Вы часто это повторяете.

— Люди слышат в назначении инспектора обещание победы. Потом считают предательством любой неудобный вывод.

— Я просила только сделать работу.

— И пока не просили изменить результат. Это редкость.

Мне захотелось спросить, сколько матерей он видел в подобных делах и скольким не поверил. Вопрос не помогал текущей проверке.

— Я передам согласие на медицинские карты сегодня, — сказала я. — Но доступ должен быть ограничен этим делом. Никаких копий Совету, кроме сведений, на которые он ссылается.

— Суд может закрыть чувствительные разделы.

— Составьте запрос так, чтобы диагнозы, не связанные с испытанием, остались у лекаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.